

Практическая магия

Автор:

Элис Хоффман

Практическая магия

Элис Хоффман

Практическая магия #1

Двести с лишним лет, что бы ни приключилось в городе, вину валили на женщин семейства Оуэнс. Может, причиной тому был их странный дом-особняк: с пыльной мебелью, скрипучими лестницами, племенем черных котов и летучими мышами на крыше? Или же неординарные способности, которые открываются на тринадцатый день рождения у каждой женщины их рода? Поговаривают, что Оуэнсы практикуют любовную магию, а в их холодильнике можно найти приворотное зелье, ингредиенты которого они выращивают в своем саду. Ведьмы по соседству – вот о чем шепчутся окружающие. В наше время на кострах их уже не жгут, но и без этого им живется несладко. Особенно когда кто-то из них влюбляется.

Элис Хоффман

Практическая магия

Alice Hoffman

PRACTICAL MAGIC

Copyright © 1995 by Alice Hoffman

© М. Кан, перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Элис Хоффман – одна из самых выдающихся американских романисток, автор более тридцати бестселлеров, которые входят в списки популярных книг года: The New-York Times, Entertainment Weekly, The LosAngeles Times, Library Journal и People Magazine. Произведения Элис Хоффман переведены более чем на двадцать языков.

Роман «Практическая магия» – один из самых известных у писательницы, был экранизирован. В главных ролях снялись Сандра Баллок и Николь Кидман.

«Романы Элис Хоффман обладают невероятной силой. Каждое предложение – будто приворотное заклинание, которое навсегда влюбляет в произведение».

Kirkus Reviews

«Красивая, динамичная сказка о силе любви и невероятной страсти, на которую способно сердце».

Denver Post

«Ведьмы и призраки, заклинания и зелья сплетаются в атмосферную сказку о семейных узах и магической силе любви».

The Miami Herald

«Восхитительный роман о колдовстве и любви в мире, где пахнет лимонной вербеной и волшебством».

Cosmopolitan

«...один из лучших романов Хоффман. Будто волшебной палочкой она касается совершенно обычных вещей, наполняя их магией».

Newsweek

«Хоффман потрясающе переплетает реальное и магическое».

The Orlando Sentinel

Посвящается Либби Ходжес

и Карол де Найт

Средства от любой из бед

Есть на свете или нет.

Если есть – ищи, не стой;

Если нет – махни рукой.

Из «Матушки гусыни»

Суеверие

Двести с лишним лет, что бы ни приключилось в городе, вину валили на женщин семейства Оуэнс. Весна ли выдастся дождливая, соски ли закровят у коровы прямо в подойник, падет ли жеребенок от колик или ребеночек родится с багровой отметиной на щеке – все думали, что хоть каким-то боком в этом замешаны женщины с улицы Магнолий. Не важно, какова была напасть – молния, саранча или гиблый омут в реке. Не важно, что ей могло быть объяснение – логическое, научное, или попросту не повезло человеку. Чуть что пойдет не так, не заладится – и люди уже тычут пальцем, указывая на виноватых. А там недолго было внушить себе, что с наступлением темноты проходить мимо дома Оуэнсов небезопасно, и только самые неразумные из соседей осмеливались заглянуть за кованую ограду, черной змеей обвивающую двор.

В доме не было ни часов, ни зеркал, зато висело по три замка на каждой двери. Под половицами и в стенах жили мыши, нередко обнаруживаясь в ящиках комода, где они грызли вышитые скатерти и кружевные оторочки полотняных салфеток. На подоконные лавки и каминные доски пошло дерево пятнадцати различных пород, в том числе светлый дуб, и серебристый ясень, и особая душистая вишня, от которой даже глухой зимой, когда деревья за окном торчат голыми черными палками, исходил дух спелых ягод. Сколько бы ни накопилось в доме пыли, к дереву она не приставала. Приглядишься – и поймешь свое отражение прямо в деревянной панели или в перилах, за которые держишься, взбегая по лестнице. Во всех комнатах было сумрачно, даже в полдень, и прохладно, когда снаружи держался июльский зной. Коли отважишься ступить на крыльцо, сплошь завитое буйным плющом, ничегошеньки не увидишь в окно, хоть все глаза прогляди. То же самое – если смотреть на улицу изнутри: зеленоватые от старости стекла были такой толщины, что все по ту сторону,

включая небо и деревья, виделось словно бы во сне.

Девочки, жившие на чердаке, были сестрами, с разницей в возрасте всего лишь в тринадцать месяцев. Никто и никогда не отправлял их спать раньше полуночи и не напоминал, что надо почистить зубы. Никого не волновало, если они ходили в неглаженных платьях или плевались на улице. Все время, пока эти девочки росли, им позволяли ложиться в кровать, не снимая обуви, и рисовать углем на стенках спальни смешные рожицы. Им разрешалось, если уж так приспичило, пить за завтраком холодный лимонад, а вместо обеда наесть зефиром. Разрешалось залезть на крышу, усесться там, оседлав шиферный гребень, и, запрокинувшись как можно дальше назад, высматривать появление на небе первой звезды. Мартовские ветреные ночи, сырые августовские вечера просиживали они там, шушукаясь, гадая, верить ли, что хотя бы малюсенькое загаданное желание иногда и вправду сбывается.

Воспитывались девочки у теток, которые, возможно, и рады были бы, да не могли не приютить их у себя. В конце концов дети остались сиротами, когда их беспечные родители, поглощенные любовью, не учуяли, как пошел дым от стен лесного домика, куда они сбежали проводить второй медовый месяц, бросив детей на приходящую няню. Неудивительно, что во время грозы сестры всегда спали в одной постели; обе ужасно боялись грома и при первых же его раскатах переходили на испуганный шепот. Когда наконец они все-таки засыпали, крепко обнявшись, им часто снились одни и те же сны. Бывали случаи, когда одна могла договорить фразу, начатую другой, и, уж конечно, каждая могла с закрытыми глазами угадать, что нынче хочется другой на сладкое.

А между тем по внешности и по характеру сестры были, несмотря на свою близость, совершенно разные. Кроме красивых серых глаз, которыми славились женщины Оуэнсов, ничто не указывало, что они состоят в родстве. Джиллиан была светленькая и белокурая, Салли же смолью волос не уступала черным, дурно воспитанным кошкам, которым не возбранялось шнырять по всему саду и цеплять когтями шторы в гостиной. Джиллиан была лентяйка и любила поспать до полудня. Она копила карманные деньги и нанимала Салли делать за нее уроки по математике и гладить ее выходные платья. Пила бутылками шоколадную шипучку и, растянувшись на прохладном полу в полуподвале, преспокойно сосала вязкие батончики «Хершис», наблюдая, как Салли вытирает пыль с металлических стеллажей, на которых у тетушек хранились домашние варенья да соленья. Больше всего на свете Джиллиан обожала валяться на бархатном подоконном диванчике под узорными портьерами, на лестничной

площадке, где пылился в углу портрет Марии Оуэнс, которая и построила давным-давно этот самый дом. Здесь можно было летом застать ее в дневное время в такой истоме и неге, что моль, приняв ее за диванную подушку, садилась и проедала дырочки в ее футболке и джинсах.

Салли, старше сестры на триста девяносто семь дней, в той же мере отличалась добросовестностью, в какой Джиллиан – праздностью. Она отказывалась верить в то, чего нельзя доказать с помощью фактов. Когда Джиллиан показывала на падающую звезду, Салли не забывала отметить, что это всего-то-навсего летит на землю камень, раскаленный от своего движения сквозь толщу атмосферы. Салли была с самого дня рождения человеком ответственным, ей претили беспорядок и неустройство быта, какие наблюдались от чердака и до подвала в старом доме у тетюшек на улице Магнолий. Это Салли, с тех пор как перешла в третий класс, а Джиллиан – во второй, принялась стряпать диетические обеды – мясной рулет, свежую стручковую фасоль, перловый суп, – следуя рецептам из книги «Кулинарные утехы», которую тайком от всех завела в доме. Каждое утро она собирала два школьных завтрака: бутерброд с индюшкой и помидорами, морковные палочки, овсяное печенье – и все это Джиллиан, едва только Салли приводила ее в класс, немедленно выбрасывала в мусорный бачок, предпочитая сэндвичи с говядиной и сыром и шоколадные пирожные, которые продавались в кафетерии, а гривенники и четвертаки на покупку того, что ей по вкусу, не гнушалась таскать из карманов теткиных пальто.

«Заря» и «Ночка» – называли их тетюшки, и, хотя девочки не смеялись этой невинной шутке, не находя в ней ничего забавного, обе они признавали, что она справедлива, и раньше, чем это бывает у других сестер, усвоили истину: луна всегда завидует дневной жаре, а солнце вечно тоскует по тому, что скрыто в темноте. Обе умели хранить секреты друг друга, клялись, что разрази их гром, если проговорятся, даже когда вся тайна состояла в том, что кто-то дернул кошку за хвост или нарвал без разрешения в саду букетик наперстянки.

Сестры могли бы враждовать из-за непохожести характеров, могли озлобиться и стать чужими, будь у них возможность подружиться с кем-либо еще, однако другие дети в городе их чурались. Никто из мальчиков и девочек не осмеливался с ними поиграть, а очень многие при приближении Салли и Джиллиан торопились скрестить средний палец с указательным, как будто это могло послужить им защитой. Самые дерзкие и отчаянные мальчишки пристраивались к сестрам по дороге в школу и шагали позади, немного приотстав, чтобы чуть что успеть пуститься наутек. Еще они любили кидаться в девочек зимними

твердыми яблоками и камешками, но даже самым ловким, слывающим звездами в своей спортивной команде, не удавалось хоть разок попасть в цель. Камни и яблоки неизменно падали у ног сестер Оуэнс.

Каждый день был полон для Салли с Джиллиан мелких унижений. Никто в классе не брал в руки карандаш или цветной мелок, если им перед этим пользовалась та или другая из сестер. Никто не садился рядом с ними в кафетерии или на школьных собраниях, а были девочки, которые просто визжали как резаные, когда, забежав в уборную сходить по-маленькому, посекретничать с подружками или причесаться, вдруг обнаруживали там одну из них. Салли и Джиллиан никогда не выбирали для участия в спортивных играх на уроках физкультуры, хотя никто в городе не бегал быстрее Джиллиан и не умел так отбить бейсбольный мяч, чтобы он перелетел через школьное здание и приземлился на соседней улице Эндикотт. Их не приглашали на вечеринки и на слеты девочек-скаутов, не звали поиграть в классики или влезть на дерево.

– Плевать на них, – говорила Джиллиан, заносчиво задирая точеный носик, когда они с Салли под волчьим завыванием мальчишек шли по школьному коридору на урок музыки или рисования. – Пускай пакостят. Погоди, вот увидишь, придет время, сами будут набиваться к нам в гости, и тогда настанет наша очередь куражиться.

Случалось, что доведенная до белого каления Джиллиан внезапно оборачивалась, гаркая: «Бу-у!» – после чего кто-нибудь из ребят обязательно мочил штаны, переживая куда большее унижение, чем те, что выпадали ей. Но у Салли давать отпор не хватало духу. Она одевалась во все темное и старалась оставаться неприметной. Прикидывалась туповатой и никогда не тянула руку на уроках. Скрывала свои истинные качества так успешно, что понемногу сама разочаровалась в собственных способностях. Сделалась тихонькой, словно мышка. Если и открывала рот на уроке, то лишь затем, чтобы пропищать неправильный ответ, а со временем взяла себе за правило садиться в самый задний ряд и вообще не подавать голоса в классе.

И все равно от нее не отставали. В четвертом классе к ней в школьный шкафчик поставили открытый террариум с муравьями, и не одну неделю потом Салли натыкалась на раздавленных муравьев между страниц своих учебников. В пятом ей сговорились подложить в парту дохлого мышонка. Самый бессердечный из заговорщиков прилепил к нему на спинку ярлык. «Сали», – было выведено на нем корявыми буквами, но эта ошибка в правописании не вызвала у девочки ни

малейшего злорадства. Она расплакалась над свернувшимся в клубочек тельцем с крохотными усиками и игрушечными лапками, но, когда учительница спросила, в чем дело, лишь повела плечами, точно утратила дар речи.

Как-то в погожий апрельский день, когда Салли училась в шестом классе, за нею в школу увязались все тетушкины кошки. После этого даже учителя избегали встречаться с нею в безлюдном коридоре и тотчас находили предлог свернуть в другую сторону. Убыстря шаг, учителя оглядывались на нее с непонятной усмешкой – возможно, из опасения, как бы чего не вышло. У черных кошек есть дар действовать подобным образом на некоторых людей, вызывая у них дрожь в коленках, мурашки и воспоминания о ненастных и грешных ночах. Впрочем, кошки, которые жили у тетушек, были не особенно страшные. Они любили дремать на кушетках и все носили птичьи имена. Был среди них Кардинал, была Сорока, был Зяблик и была Гусыня. Был бестолковый котенок Голубок и склочный кот по кличке Ворон, который злобно шипел на остальных и держал их в страхе божьем. Трудно поверить, чтобы подобное сборище распущенных тварей всерьез вынашивало план опозорить Салли, но получилось именно так – хотя, быть может, увязались они в тот день за нею по той простой причине, что она сделала на ланч бутерброд с копченой рыбкой, всего один на сей раз, так как Джиллиан, сославшись на больное горло, осталась дома в постели, где наверняка рассчитывала проваляться до конца недели, заедая сладостями чтение журналов и не тревожась о том, что от шоколада на простыне остаются пятна, поскольку забота о стирке белья лежала на плечах Салли.

Салли в то утро и знать не знала, покуда не уселась за парту, что ее провожают кошки. Кое-кто из одноклассников засмеялся, но две девчонки вскочили на батарею и подняли визг. Можно было подумать, свору чертей напустили к ним в класс, хотя на самом-то деле Салли привела за собою в школу обыкновенную блохастую живность. Черные как ночь, с истошными воплями, кошки прошествовали мимо столов и скамеек. Салли попробовала их шугануть, но кошки лишь подступили ближе. Они прохаживались перед ней взад-вперед, хвосты торчком, так мерзко мяукая, что впору молоку было свернуться в чашке.

– Брысь ты! – шепнула Салли, когда кот Ворон прыгнул к ней на колени и запустил когти в ее любимое голубое платье. – Пшел отсюда!

Но даже когда вошла мисс Маллинз и, постучав по столу линейкой, строгим голосом предложила Салли немедленно – *tout de suite* – очистить помещение от кошек, если не хочет остаться после уроков, противные зверюги уперлись и ни в

какую не захотели уходить. Класс охватила паника, самые впечатлительные зашущукались о ведьмах. За ведьмами, как известно, часто таскается следом нечистая сила в животном обличье, исполняя злую волю. И чем нечистой силы больше, тем гаже ведьмины повеленья, а тут этой пакости набилась целая орава. Кому-то из ребят стало плохо, кто-то до конца жизни с тех пор не переносил кошек. Послали за учителем физкультуры, но, как он ни старался, размахивая метлой, кошки не уходили.

Один мальчишка в заднем ряду, который нынче как раз стянул у отца коробку спичек, воспользовался случаем посреди всеобщей суматохи и поджег Ворону хвост. По классу, опережая вопль кота, мгновенно распространился запах паленой шерсти. Салли, не размышляя, кинулась к Ворону и, упав на колени, сбила огонь подолом любимого платья.

– Хоть бы с тобой самим стряслось что-нибудь! – крикнула она мальчишке, который поджег Ворона. А после поднялась, лицо и платье в саже, баюкая кота на руках, как ребенка. – Увидел бы тогда, каково это! Узнал бы, что чувствуют другие!

В этот самый миг наверху прямо над ними класс затоптал ногами – от радости, так как обнаружилось, что все диктанты изжеваны учительским английским бульдогом, – и с потолка на голову дрянному мальчишке свалилась звукопоглощающая плитка. Мальчишка, с помертвелой под веснушками физиономией, как подкошенный рухнул на пол.

– Это она, – вырвалось у кого-то из детей, а те, кто промолчал, разинули рты и вытаращили глаза.

Салли с Вороном на руках выскочила из класса, и кошки последовали за ней. Всю дорогу домой по улице Эндикотт и по улице Пибоди они путались у нее под ногами, мешая пройти в парадную дверь и подняться по лестнице, и до самого вечера скреблись к ней, даже после того, как она заперлась у себя.

Салли проплакала целых два часа. Дело в том, что она любила этих кошек. Украдкой выставляла им блюдца с молоком, носила их в плетеной сумке на улицу Эндикотт к ветеринару, когда они увечили друг друга в драке и у них воспалялись раны. Души не чаяла в этих чертовых кошках, хотя, когда, готовая провалиться сквозь землю, сидела в классе, рада была бы, если б у нее на глазах

их утопили поочередно в ведре с ледяной водой или же расстреляли из ружья. И пусть она, как только справилась с собой, вышла оказать помощь Ворону, промыть и забинтовать ему хвост, все равно знала, что в душе предала его. С того дня Салли сильно упала в собственных глазах. Она уже не просила тетушек побаловать ее чем-нибудь или хотя бы наградить за то, что заслужила. Ей не нашелся бы более суровый и придирчивый судья; Салли изблещила в себе изъясн, – нехватку сострадания и стойкости, и наказанием себе с той минуты назначила самоотречение.

После этого случая с кошками чураться сестер Оуэнс меньше не стали, а бояться стали больше. Теперь девчонки в школе не изводили их, а торопились отойти прочь, опустив глаза, когда Салли с Джиллиан проходили мимо. От парты к парте расползались в записочках слухи о колдовстве, в уборных и коридорах шепотом приводились обвинения. Ребята, которые держали дома черных кошек, клянчили им у родителей замену: колли, или хомячка, или хотя бы золотую рыбку. Потерпела ли поражение футбольная команда, взорвалась ли печь для обжига керамики в художественной мастерской – все разом косились в сторону сестер Оуэнс. Самые отчаянные озорники не решались запустить в них мячом на перемене или пульнуть шариком из жеваной бумаги, никто не швырялся в них больше камешками или яблоками. Среди девочек были такие, кто – на скаутских собраниях, в гостях с ночевкой – клялся, что при желании Салли и Джиллиан свободно могут погрузить тебя в гипноз и заставить лаять по-собачьи или кинуться с крутого обрыва. Могут одним-единственным словом или кивком напустить на тебя свои чары. А если любую из сестер не на шутку разозлить, ей стоит лишь прочесть в обратном порядке таблицу умножения – и тебе каюк. Глаза вытекут из глазниц. Все кости размягчатся в твоём теле. Подадут тебя назавтра под соусом в школьном кафетерии, и ни одна живая душа о том не догадается.

Меж тем, какие бы там слухи ни распускала, перешептываясь, городская детвора, но факт оставался фактом: почти у каждого мать хотя бы раз, да навевывалась к тетушкам Оуэнс. То вдруг потребуется перечная настойка от капризного желудка, то цветков ваточник от нервов, хотя любая женщина в городе знала, от какого недуга на самом деле врачуют тетушки: специальностью их была любовь. Тетушек не приглашали на ужин или на сбор средств в фонд городской библиотеки, но если женщина повздорила со своим возлюбленным, если она обнаружила, что беременна, и не от того, за кем замужем, если узнала, что муж изменяет ей, как последняя скотина, – тогда, сразу как стемнеет, она оказывалась у черного хода дома Оуэнсов, в тот час, когда сумерки скрывают твоё лицо и никому не разглядеть, кто там стоит под

глицинией, что растет здесь с незапамятных времен, беспорядочно переплетаясь над дверным косяком.

Не важно, что этой женщиной могла оказаться учительница пятых классов начальной школы, или пасторская жена, или, тоже возможно, бессменная подружка стоматолога с улицы Пибоди. Не важно, что если приблизиться к дому Оуэнсов с восточной стороны, то с неба, божились люди, камнем падают черные птицы, готовые выклевать тебе глаза. Желание имеет свойство наделять человека необъяснимой отвагой. Оно, по мнению тетушек, способно подкрасться тихой сапой к нормальной взрослой женщине и превратить ее из здравомыслящего существа в нечто безмозглое, сродни блохе, от которой нипочем не отвязаться незадачливому псу. Та, у которой хватало духу явиться к черному крыльцу, не дрогнув, глотала мятный чай, в состав которого входило такое, что язык не повернется назвать, но который наверняка должен был вызвать ночью кровотечение. Она с готовностью подставляла тетушке средний палец левой руки для укола серебряной иглой, раз таково было необходимое условие того, что к ней вернется ее ненаглядный.

При появлении женщины на мощенной голубоватым песчаником дорожке тетушки всполошились, точно клуши. Когда человек дошел до крайности, это учуешь за версту. Женщина, влюбленная без памяти, за средство обеспечить себе взаимность не задумается отдать камю, что из поколения в поколение хранилась у нее в семье. А та, которую предали, отдаст и больше. Но всех отчаяннее были женщины, которые позарились на чужого мужа. Эти ради любви были готовы на все. В угаре страсти их корежило, точно дерево в бурю, и все условности и хорошие манеры летели к чертям. Когда на дорожке к дому показывалась такая, тетушки тут же отправляли девочек на чердак, даже если это происходило в декабре, когда на дворе холодно и темнеет уже к половине пятого.

Девочки в эти хмурые вечера никогда не спорили. Взявшись за руки, они смиренно шли наверх. Говорили теткам «спокойной ночи» с площадки, где пылился старинный портрет Марии Оуэнс, потом расходились по своим комнатам и, наспех накинув ночные рубашки, напрямик устремлялись к черной лестнице и спускались на цыпочках вниз, откуда, припав ухом к двери, можно было подслушать все до последнего слова. Иногда, если вечер выдался особенно темный, Джиллиан, расхрабравшись, пинком приоткрывала дверь; а Салли, из страха, как бы дверь не скрипнула, выдав их присутствие, не осмеливалась ее закрыть.

- Глупости все это! – шепотом возмущалась Салли. – Полная чепуха!

- Что ж тогда не уходишь? – живо отзывалась Джиллиан. – Ну давай, иди спать, – подбивала она, твердо зная, что сестра не рискнет пропустить то, что будет дальше.

С определенной точки на черной лестнице им видна была старая чугунная плита, стол и лохматый половик, по которому часто расхаживали взад-вперед тетушкины клиентки. Видно было, как человека с головы до пят, не говоря уже о том, что расположено в серединке, может скрутить в бараний рог любовь. Вот откуда Салли и Джиллиан стало известно такое, о чем дети в их возрасте обычно не знают: что, например, всегда имеет смысл собирать обрезки ногтей, служившие прежде живою тканью любимого человека, – на тот случай, если ему взбредет в голову сходить прогуляться на сторону; что женщина от любовного томления может измаяться до рвоты над раковиной на кухне, до кровавых слез неистовых рыданий.

Вечерами, когда на небо выплывала оранжевая луна, а на кухне заливалась слезами очередная посетительница, Салли с Джиллиан, сцепясь мизинцами, давали клятву никогда не попадать во власть страстей.

- Тьфу, – отплевывались шепотом девочки, когда клиентка их тетушек ударялась в слезы или, задрав кофточку, показывала свежие порезы на том месте, где нацарапала бритвой на коже дорогое имя.

- Нет уж, мы – никогда! – зарекались девочки, крепче сплетая мизинцы.

В ту зиму, когда Салли минуло двенадцать, а Джиллиан вплотную подошла к одиннадцати, они узнали, что подчас в любовных делах всего опаснее – когда твое заветное желание сбывается. Той зимой к тетушкам пришла молодая женщина, работающая в магазине аптекарских и бытовых товаров. Уже не первый день тогда все ниже опускалась на дворе температура. Мотор тетушкиного «форда» кашлял и не заводился, покрышки примерзали к бетонному полу гаража. Мыши, пригревшись в стенках спален, носа не высовывали наружу, лебеди в парке щипали обледенелые водоросли и все равно вконец оголодали. Такие стояли холода, так беспощадно багровело небо, что девочек от одного взгляда наверх пробирали мурашки.

Клиентка, которая пришла в тот темный вечер, не могла похвастаться красотой, зато она отличалась добрым нравом. На праздники развозила угощение по домам, где жили старики, пела ангельским голосом в церковном хоре и, когда дети заказывали у стойки коктейль из мороженого с кока-колой, не забывала дать его каждому с двойным сиропом. Но когда эта тихая, невзрачная девушка пришла с наступлением темноты к тетушкам, она была сама не своя и в исступлении корчилась на плетеном вручную половике, сжав кулаки с такой силой, что они выглядели как кошачьи лапы. Она запрокидывала голову, и волосы лоснистой пеленой накрывали ей лицо, она до крови кусала губы. Любовь сжирала эту девушку заживо, она уже успела потерять тридцать фунтов веса. Словом, тетушкам, похоже, стало ее жалко, что случилось с ними, надо сказать, нечасто. Денег у девушки было маловато, и тем не менее они дали ей самое сильнодействующее снадобье, какое только есть, снабдив подробными указаниями, как им пользоваться, чтобы чужой муж тоже полюбил ее. После чего предупредили, что назад хода не будет, так что пусть она хорошенько подумает.

– Я подумала, – сказала девушка ровным, красивым голосом и, по всей видимости, убедила тетушек, во всяком случае, они вынесли ей на блюде из лучшего сервиза – того, что с синими плакучими ивами над ручьем, – голубиное сердце.

Салли и Джиллиан сидели, соприкасаясь коленками, в темноте на черной лестнице, босые, с невымытыми ногами. Они дрожали от холода, но пересмеивались между собой, шепотом повторяя вместе с тетками заклинание, заученное ими крепко-накрепко, ночью разбуди – не собьются: «Ты, игла, пронзи сердце голубя, ты, любовь, пронзи сердце сокола. Пусть не знает он сна и отдыха до тех пор, пока не придет ко мне. Как полюбит меня всей душой, так узнает он мир и покой». Джиллиан сопровождала эти слова короткими колющими движениями, в подражание тому, что, твердя заклинание, девушке надлежало проделывать с голубиным сердечком на сон грядущий семь дней кряду.

– Нипочем не сработает, – шепнула Салли, когда они, поднявшись ощупью по лестнице, пробирались потом к себе по темному коридору.

– Может и сработать, – прошептала в ответ Джиллиан. – Девушка, правда, из себя не очень, но все же чего не бывает.

Салли выпрямилась: она была старше и выше ростом и, стало быть, лучше знала.

- Хорошо, поживем - увидим.

Почти две недели Салли и Джиллиан вели наблюдение за одержимой любовью девушкой. Словно приставленные к ней сыщики, часами, не сводя с нее глаз, просиживали у стойки в магазине, спуская карманные денежки на кока-колу и картофель фри. Шли за ней по пятам, когда она возвращалась к себе в квартиру, которую снимала на пару с другой юной особой, работавшей в химчистке. Чем неотступнее они следили за каждым ее шагом, тем сильнее в Салли крепло ощущение, что они влезают в чужую личную жизнь, но сестры все-таки продолжали верить, что проводят важное исследование, хотя у Джиллиан временами терялось четкое представление, какую, собственно, они преследуют цель.

- Очень простую, - говорила Салли. - Доказать, что никакой особой силы у теток нет.

- И если они только морочат людей, - усмехалась Джиллиан, - тогда получится, что мы точно такие же, как все. Обычные.

Салли кивала. Невозможно передать, как волновала ее эта тема, поскольку для нее лично самым заветным желанием было - быть как все. Ей снилась по ночам деревенская усадьба, дом за беленьким частоколом, и слезы наворачивались ей на глаза, когда, просыпаясь поутру, она видела в окошко черные зубцы металлической ограды. Другие девочки, она знала, умывались мылом «айвори» и дуплистым мылом «камэй», а их с Джиллиан заставляли мыться черным мылом, которое тетушки два раза в год варили на задней конфорке плиты. У других девочек были матери и отцы, которые не забивали себе голову всякой всячиной типа роковых желаний и неизбежной судьбы. Ни у кого больше на их улице и даже в городе не было дома комода с ящиком, полным брошек-камей, полученных в уплату за исполнение желаний.

Но может быть, у нее не такая уж ненормальная жизнь, как кажется, - на большее Салли не надеялась. Если для девушки из магазина аптекарских товаров любовное заклинание не сработает, то, скорее всего, тетушки всего лишь прикидываются, будто обладают какой-то особой силой? Поэтому сестры ждали и молились, чтобы ничего не произошло. И вот, когда стало похоже, что

ничего таки определенно не произойдет, в ранних сумерках у дома, где жила девушка, остановил свой микроавтобус директор их школы, мистер Халлиуэлл. С непринужденным видом вошел в дверь, но не преминул, как подметила Салли, оглянуться через плечо – взгляд у него был мутный, как будто человек семь ночей не спал.

В тот вечер девочки не пришли домой к ужину, хоть Салли и обещала тетушкам, что приготовит бараньи отбивные с фасолью. Поднялся ветер, заморосил холодный дождь, а сестры все не трогались с тротуара напротив дома, где жила девушка из магазина аптекарских товаров. Мистер Халлиуэлл показался только в десятом часу и со странным выражением лица, словно не вполне отдавал себе отчет, на каком он свете. Прошел мимо собственной машины, не узнавая ее, и лишь на полдороге домой спохватился, что где-то ее оставил, а потом примерно полчаса соображал, где именно. После этого он появлялся здесь каждый вечер, точно в одно и то же время. Один раз не постеснялся прийти в обеденный перерыв к ней в магазин и спросить чизбургер с кока-колой, хотя ни кусочка в рот не взял, а вместо этого пожирал глазами девушку, которая его приворожила. Сидел на самом первом табурете, одурманенный и распаленный до такой степени, что в том месте, где он облакачивался на стойку, даже линолеум пошел пузырями. Заметив наконец, что за ним наблюдают Салли и Джиллиан, он потребовал, чтобы сестры отправлялись назад на уроки, и принялся за свой чизбургер, но все равно так и не смог отвести глаз от девушки. В том, что чем-то его шарахнуло, сомнений не оставалось – тетки поразили свою мишень столь же явно, как если бы стреляли по ней из лука.

– Совпадение, – настаивала на своем Салли.

– Не знаю. – Джиллиан пожала плечами. Всякий заметил бы, что девушка прямо светится, поливая вареньем пломбир с орехами или пробивая чек на микстуру от кашля или антибиотик по рецепту. – Она получила то, что хотела. Так или иначе.

Но оказалось, девушка получила не совсем то, что хотела. Она пришла к тетушкам снова, в таком плачевном состоянии, что хуже некуда. Любовь – это одно, но женитьба – совсем другое. Мистер Халлиуэлл, как выяснилось, не был убежден, что готов оставить жену.

– Тебе, по-моему, этого видеть не надо, – прошептала сестре Джиллиан.

– Откуда ты знаешь?

Каждое слово девочки шептали друг другу на ухо; им было почему-то боязно, хотя до сих пор в надежном укрытии на черной лестнице с ними этого не бывало.

– А я как раз видела однажды.

Джиллиан заметно побледнела, волосы у нее топорщились во все стороны, окружая голову светлым облачком.

Салли отпрянула назад. Ей сделалось понятно, что подразумевают люди, говоря, что у них в жилах стынет кровь.

– Как – без меня?

Джиллиан часто навевывалась на черную лестницу без сестры, проверяя себя на храбрость.

– Я думала, ты не захочешь. Они иногда вытворяют такое, что страх берет. Тебе не вынести.

После этого Салли уже не могла не остаться с младшей сестрой, хотя бы в доказательство того, что ей не слабо.

– Ну, это мы посмотрим, кому вынести, а кому нет.

Но Салли ни за что не осталась бы на лестнице, она бегом убежала бы к себе и заперлась на засов, знай, как отвратителен способ, которым можно вынудить мужчину жениться, когда он этого не хочет. Она зажмурилась, увидев, как в дом внесли лесную горлицу. Закрыла уши руками, чтобы не слышать криков птицы, когда ее положили на кухонный стол. Твердила себе: сколько раз сама жарила кур и бараньи отбивные, а это примерно то же самое. Но все равно никогда больше с того вечера Салли в рот не брала ни мяса, ни птицы, ни даже хотя бы рыбы и не могла без содрогания видеть, как вспархивает с дерева и улетает стайка воробьев или других мелких пташек. Долго еще потом, как только начинало темнеть, она тянулась схватиться за руку сестры.

Всю зиму Салли и Джиллиан видели девушку из аптеки с мистером Халлиуэллом. В январе он ушел от жены и женился на ней, они поселились в белом домике на углу Третьей улицы и Эндикотт. Став мужем и женой, они практически не разлучались. Куда бы ни направилась девушка, на рынок или на занятия в гимнастическом зале, мистер Халлиуэлл, словно пес, обученный гулять без поводка, шел следом. Сразу по окончании уроков он устремлялся в магазин аптекарских товаров; он появлялся там при первой возможности, с букетиком фиалок или коробкой восточных сладостей, и сестрам доводилось слышать, как иногда в ответ на эти подношения мужчина получал от своей новой жены какую-нибудь резкость. Неужели обязательно постоянно держать ее под присмотром? Вот что шипела она любимому человеку. Неужели нельзя хоть на минуту оставить ее в покое?

Весной, в ту пору, когда зацветает глициния, девушка объявилась у них снова. Салли и Джиллиан вышли под вечер в огород нарвать лука-батуна для овощного рагу. С дальнего края сада, как всегда в это время года, вкусно тянуло лимонным тимьяном, оживали кустики розмарина, теряя ломкость и белесый налет. Погода стояла до того сырая, что комары налетали тучами, Джиллиан едва успевала шлепать себя по тем местам, на которые они садились. Салли пришлось потянуть ее за рукав, призывая взглянуть, кто приближается к ним по выложенной песчаником дорожке.

- Мамочки! - завопила Джиллиан и перестала шлепать комаров. - Ну и вид у нее!

Девушка из аптеки больше и на девушку-то была не похожа, она выглядела старухой. Волосы у нее утратили блеск, рот поджался скобкой, словно в него попала кислятина. Она потирала руки - то ли кожа растрескалась, то ли, скорей всего, до безобразия расшатались нервы. Салли подобрала плетеную корзинку с луком и посмотрела, как тетушкина клиентка стучится в заднюю дверь. Никто не отозвался, и она с остервенением забарабанила по доскам кулаками.

- Открывайте же! - выкрикивала она. - Откройте!

Стук гулко отдавался в доме, но ему отвечала тишина.

Когда посетительница заметила девочек и направилась в их сторону, Джиллиан побелела как мел и прижалась к сестре. Салли не тронулась с места - да, собственно, отступить все равно было некуда. Тетушки приладили к забору

лошадиный череп – отпугивать соседских ребяташек, равнодушных к мяте и клубнике. Салли оставалось надеяться, что он способен также отпугнуть нечистую силу, потому что в девушку словно бес вселился – будто одержимая, налетела она на сестер здесь, в этом огороде, где уже густо разрослись лаванда, и розмарин, и змеиный чеснок, хотя у соседей большей частью еще чернела во дворе лишь голая земля.

– Смотрите, что они наделали! – кричала девушка. – От него невозможно отвязаться ни на миг! Все замки поснимал с дверей, даже в ванной комнате! Следит за каждым моим шагом – ни поесть по-людски, ни поспать! Поминутно норовит затащить в постель, у меня уже все саднит – и внутри и снаружи!

Салли попятилась, едва не сбив с ног Джиллиан, которая по-прежнему стояла вплотную к ней. Обычно с детьми так не разговаривают, но девушке из аптеки, по всей видимости, плевать было на то, что можно, а что нельзя. Салли заметила, что у нее красные, заплаканные глаза. Губы нехорошо кривились, как будто с них могли слетать одни только бранные слова.

– Где они, эти ведьмы, которые так со мной поступили?

Тетушки смотрели в окно, наблюдая, что могут сотворить с человеком неумеренность в желаниях и глупость. Когда Салли скосила глаза на окно, они грустно покачали головой. Они не желали больше иметь дела с девушкой из аптечного магазина. Есть люди, которых не уберечь от беды. Сколько ни пытайся, сколько ни предупреждай, все равно будут делать посвоему.

– А тетеньки уехали отдыхать, – чужим, нетвердым голосом сказала Салли. Ей до сих пор не приходилось говорить неправду, и от этого появился неприятный привкус во рту.

– Ну-ка сходи за ними! – крикнула девушка. Она стала совсем другим человеком. На спевках церковного хора, в тех местах, где ей полагалось петь соло, ударялась в слезы, и ее, чтобы не срывать репетицию, приходилось выводить наружу, на площадку для парковки машин. – Да живо, иначе так врежу, что не обрадуешься.

– Оставьте нас в покое, – заявила Джиллиан из безопасного укрытия за сестриной спиной. – Или нашлем на вас заклятие пострашней того!

Услышав это, девушка не стерпела. Она метнулась к Джиллиан, размахнулась, но удар пришелся по Салли. Он оказался так силен, что бедняга качнулась назад, наступив ногой прямо на розмарин и вербену. Тетушки за окном забормотали заговор, которым их в детстве учили унимать куриный галдеж. Кур в загородке разгуливало тогда полным-полно, рябых и голенастых, но тетки взялись за них так рьяно, что они больше вообще не подавали голоса, – из-за чего их, между прочим, всех до единой и перетаскали по ночам бродячие собаки.

– Ой, – вырвалось у Джиллиан, когда она увидела, как досталось сестре. На щеке у Салли выступило багровое пятно, но заплакала от этого Джиллиан. – Гадина! – крикнула она девушке из аптеки. – Просто гадина!

«Ты что, не слыхала? Ступай приведи мне теток!» – так собиралась, по крайней мере, сказать девушка из аптечного магазина, но никто ничего не услышал. Из рта у нее не вылетело ни звука. Ни звука, ни слова, и уж точно – никаких извинений. Она приложила руку к горлу, словно кто-то душил ее, хотя задыхалась она как раз из-за избытка той самой любви, которой ей прежде так безумно недоставало.

Салли, наблюдая за девушкой, видела: лицо у нее помертвело от страха. Вышло так, что с тех пор девушка из аптечного магазина больше не разговаривала, лишь издавала изредка либо коротенькие звуки, похожие на голубиное воркование, либо, когда выходила из себя, скрипучие вопли, точно курица с переполоху, когда за нею погнались, чтобы схватить – и в ошип ее и в духовку. Подруги из церковного хора оплакивали утрату чудесного голоса, однако стали со временем ее сторониться. Спина у девушки выгнулась, точно хребет у кошки, ступившей на раскаленные угли. На всякое доброе слово она в ответ закрывала уши руками и топала ножкой, как избалованный ребенок.

До конца жизни ей предстояло терпеть, что за нею ходит как привязанный мужчина со своей непомерной любовью, и не иметь возможности даже послать его подальше. Салли знала, что этой клиентке тетушки никогда уже не откроют дверь, приходи она стучаться к ним хоть тысячу раз. Снова требовать чего-то девушка не имела права.

Она что, вообразила, будто любовь – это игрушка, милый пустячок, которым приятно позабавиться? Настоящая любовь опасна, схватит тебя изнутри и скрутит; зазеваешься, не ослабишь вовремя поводья – будешь ради нее готов

пойти на что угодно. Была бы девушка из аптеки посообразительней, она попросила бы не приворотное средство, а отворот. А так получила в конечном счете то, что хотела, и если сама не извлекла из этого урока, то кое-кто там, в огороде, извлек. Девочка, которой хватило ума пойти в дом, три раза повернуть ключ в замке и ни единой слезинки не пролить, нарезая лук, до того едкий, что другая из-за него проплакала бы всю ночь.

Раз в год, под Иванов день, в дом к Оуэнсам залетал воробей. Как тому ни пытались воспрепятствовать, птичка всякий раз умудрялась проникнуть внутрь. И блюдца-то с солью выставляли на подоконники, и мастера вызывали заделывать пазы и латать крышу, а воробей появлялся все равно. Обнаруживался в доме, когда смеркалось, в час скорби, всегда бесшумно, но с необъяснимым упорством, которому ни соль, ни кирпичи не помеха, словно беднягу приговорили сидеть нахохлясь на шторе или на пыльной люстре, с которой каплями слез стекали вниз стекляшки.

Тетушки держали наготове швабру и гнали птицу в окно, но воробей залетал слишком высоко, и до него было не достать. Пока он кружил, облетая столовую, сестры вели счет, зная, что три круга – это к неприятностям, а выходило, как нарочно, всегда три. Неприятности, понятно, были сестрам Оуэнс не в новинку, особенно когда они подросли. Не успели девочки перейти из начальной школы в среднюю, как мальчишки, которые все эти годы их чурались, стали вдруг отчаянно увиваться за Джиллиан. Она могла пойти в магазин за банкой горохового супа и вернуться связанной железным обещанием «дружить» с парнишкой из отдела свежемороженых продуктов. Дальше – больше. Возможно, матовый отсвет ее лицу придавало черное мыло, которым она умывалась, но как бы то ни было, прикосновение к ней обжигало, и не обратить на нее внимание было невозможно. Ребята заглядывались на нее до головокружения, и их в срочном порядке отправляли в медпункт на переливание крови или сеанс терапии в кислородной палатке. Мужчины, состоящие в счастливом браке и годящиеся ей в отцы, внезапно загорались идеей сделать ей предложение и посулить золотые горы – по крайней мере в доступном для них варианте.

Когда Джиллиан надевала короткую юбочку, на улице Эндикотт случались автодорожные происшествия. Когда она проходила мимо, псы, сидящие на толстой металлической цепи возле своей конуры, забывали рычать и кусаться. Однажды жаркой весной, в День поминовения, Джиллиан, оставив мало что от своей шевелюры, постриглась «под мальчика», и почти все ее сверстницы в

городе сделали в подражание ей то же самое. Но ни одна из них не останавливала видом своей открытой шейки уличное движение. Ни одной ослепительная улыбка не помогла без экзаменов, без вечерних бдений над уроками сдать биологию и обществоведение. В то лето, когда Джиллиан исполнилось шестнадцать, все игроки футбольной команды из их школы буквально каждую субботу проводили в саду у тетюшек. Торчали там в полном составе, нескладные, замкнутые, влюбленные по уши, пропалывая от сорняков рядки пасленовых и вербены, но обходя старательно перья зеленого лука, до того жгучего, что стоит зазеваться – и не оберешься волдырей на пальцах.

Джиллиан разбивала сердца, как разбивают яйца для омлета. К выпускному классу она так в этом натерела, что ее жертва иной раз не успевала опомниться, как от нее оставалось мокрое место, да и то – сплошной вздох. Если собрать воедино истории, в которые обычно попадают девочки за время взросления, и сутки выпаривать их на огне, в сухом остатке получишь что-нибудь размером с батончик «сникерса». Но если удалить воду из тех историй, в которые умудрялась попадать Джиллиан Оуэнс, не говоря уж о количестве причиненного ею горя, – вырастет гряда вязкого месива величиной с бостонскую ратушу.

Тетюшек репутация Джиллиан не волновала нисколько. Им в голову не приходило отругать ее или назначить час, когда она обязана быть дома. Когда водительские права получила Салли, она садилась в микроавтобус, чтобы съездить в магазин или отвезти на свалку мусор; когда же очередь дошла до Джиллиан, она закатывалась с вечера гулять и пропадала до рассвета. Тетюшки слышали, как Джиллиан крадется на цыпочках в парадную дверь, и находили в бардачке «форда» пивные бутылки. Что ж, молодость есть молодость, рассуждали они, тем более когда речь идет о девушках из семейства Оуэнс. Единственный их совет был, что проще уберечься от ребеночка, нежели вырастить его, – с чем даже Джиллиан при всем своем легкомыслии не могла не согласиться.

А беспокоились тетюшки о Салли. О Салли, которая готовила каждый вечер калорийные обеды, покупала по вторникам продукты, а по четвергам вывешивала сушиться белье, чтобы простыни и полотенца приятно пахли свежестью. Добродетель была, на их взгляд, не достоинством, а всего лишь проявлением бесхарактерности, малодушием. В жизни есть, полагали тетюшки, кое-что поважнее забот о пыли, скопившейся под кроватью, или палой листве, не сметенной с крыльца. Женщины Оуэнсов не считаются с условностями, они своевольны и упрямы, такими их и берите. Когда выходят замуж, то оставляют

себе девичью фамилию, и дочери у них тоже носят фамилию Оуэнс. Особенно отличалась своенравием Реджина, мать Джиллиан и Салли. Тетушки смахивали с глаз слезинку, вспоминая, как по вечерам, хлебнув лишнего, Реджина, бывало, расхаживала босиком по перилам, раскинув руки для равновесия. Дурачество, возможно, зато она умела весело провести время – способность, которой женщины в семье Оуэнсов гордились. Джиллиан унаследовала от матери бесшабашный нрав; Салли же вообще не имела представления о том, что значит поразвлечься.

– Сходи куда-нибудь, – приставали к ней тетки в субботу вечером, когда Салли с книгой, взятой в библиотеке, ложилась, поджав ноги, на тахту. – Погуляй, развлекись, – уговаривали они своими слабенькими въедливыми голосами, какими разве что улитку сгонишь с капустного листа, но уж никак не племянницу с тахты.

Тетушки хотели видеть Салли более общительной. Они стали приваживать к дому молодых людей, как другие старушки приваживают бездомных котиков. Давали объявления в университетские малотиражки, обзванивали общежития студенческих землячеств. Каждое воскресенье созывали молодежь к себе в сад на бутерброды с холодной говядиной и темное пиво, но Салли лишь безучастно сидела при этом на металлическом садовом стульчике, скрестив ноги, и думала о своем. Тетушки покупали ей тюбики розовой губной помады, импортные испанские соли для ванны. Выписывали по почте вечерние платья и кружевные комбинации, мягчайшие замшевые сапожки, но Салли отдавала все подарки Джиллиан, которая знала, как найти им применение, а сама субботними вечерами по-прежнему читала книжки – точно так же, как по четвергам занималась стиркой белья.

Это не значит, впрочем, что Салли вполне добросовестно не старалась влюбиться. Как человек вдумчивый, основательный, с поразительным умением сосредоточиться на поставленной задаче, она какое-то время соглашалась на предложения сходить в кино, на танцы или пройтись с кем-нибудь в парке вокруг пруда. Старшеклассники, назначавшие ей свидания, диву давались, обнаружив, как долго ей удастся сосредоточиться на одном поцелуе, и поневоле гадали, какие еще могут таиться в ней способности. Многие из них и через двадцать лет не переставали о ней мечтать, совсем некстати, но ей ни один не приглянулся и даже не запомнился по имени. На повторное свидание она ни с кем не соглашалась, считая, что это было бы нечестно, а в такие понятия, как честность, даже в делах столь неординарных и исключительных, как дела

любовные, Салли в ту пору верила.

Глядя, как Джиллиан перебирает полгорода, меняя одного парня за другим, Салли спрашивала себя, не досталось ли ей самой каменное сердце. Но к тому времени, как сестры закончили школу, выяснилось, что хотя влюбляться-то Джиллиан влюбляется, но не дольше, чем на две недели. Салли стала думать, что обе они обижены судьбой в равной мере, да и не удивительно, в сущности, что сестрам так не повезло, если учесть их происхождение и воспитание. Тетушки, например, до сих пор держали у себя на комодe фотографии молодых людей, которых любили в юности, – братьев, которые во время пикника не пожелали из гордости укрыться от грозы. Юношей убило молнией прямо на зеленом городском пустыре, где они и покоились ныне под гладким округлым камнем, к которому на утренней и вечерней заре слетались траурные голуби. Каждый год в августе молнию вновь притягивало к этому месту, и, когда наверху собирались черные грозовые тучи, влюбленные парочки подбивали друг друга на слабо перебежать через пустырь. Но только воздыхателям Джиллиан, одуревшим от любви, хватало духу подвергать себя такой опасности, и для двоих из них пробежка через пустырь в грозу закончилась больницей, после чего волосы у них на голове так и остались стоять дыбом, а вытарашенные с тех пор глаза не закрывались даже во сне.

Когда Джиллиан исполнилось восемнадцать, она влюбилась на целых три месяца, решив по такому случаю сбежать со своим возлюбленным в Мэриленд и там обвенчаться. Необходимость такого шага объяснялась отказом тетушек дать свое благословение на этот брак. Джиллиан была, по их представлениям, еще молодая и глупая – забеременеет в два счета и обречет себя на бесцветную, унылую жизнь. Оказалось, что тетушки были правы лишь в той части, что касалась молодости и глупости. Забеременеть Джиллиан не успела – через пару недель после свадьбы она ушла от мужа к механику, который ремонтировал их «тойоту». Это был первый из длинной череды ее брачных крахов, но в ту ночь все на свете еще казалось возможным, даже счастье. Тогда Салли помогала связывать белые простыни для побега. Правда, она считала младшую сестру эгоисткой, неумеренной в своих аппетитах. Джиллиан же числила Салли педанткой и ханжой, но все равно они были сестрами, и теперь, когда их ждала разлука, они обнялись, стоя у открытого окна, расплакались и поклялись друг другу, что расстанутся совсем ненадолго.

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/hoffman_elis/prakticheskaya-magiya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)